

Б.Т. Удодов

Герой в системе образов романа Максим Максимыч

Образам горцев во многом противостоит глубоко реалистический в своей основе художественный тип Максима Максимыча. Нередко художественные функции этого образа сводятся к чисто «служебному» назначению: с одной стороны, служить реалистическим противовесом образам горцев с их элементами внутренней романтики, а с другой — способствовать наиболее пластичной подаче образа главного героя. С этой целью необходимым «вложить первоначальные сведения о Печорине в уста особого рассказчика — человека хорошо осведомленного и доброжелательного, но постороннего по духу и воспитанию; это привело к появлению Максима Максимыча» (Б. Эйхенбаум).

Вопрос о значении образа Максима Максимыча как персонажа-рассказчика, несомненно, заслуживает внимания. Однако гораздо более важным является рассмотрение этого образа как одного из значительнейших образов-типов в лермонтовском романе. Образ Максима Максимыча — этап в постижении русской литературой характера, близкого к народному. Это, по определению Белинского, «тип чисто русский». И, видимо, не случайно Максим Максимыч — единственный персонаж, сопутствующий Печорину на протяжении всего романа (исключая новеллу «Тамань»). Только Печорин и Максим Максимыч являются сквозными персонажами в «Герое нашего времени», представляя собою как бы структурно-художественные полюсы романа.

Максим Максимыч — чрезвычайно емкий художественный образ. С одной стороны, это ярко очерченный конкретно-исторический и социальный тип, с другой — один из коренных русских, национальных характеров. Этот образ по его «самобытности и чисто русскому духу» Белинский ставил в один ряд с образами мировой литературы. По словам критика, у него «чудесная душа, золотое сердце». Он необыкновенно человечен, ему присуще неподдельное участие в судьбах окружающих людей. Он наделен даром сочувствия и сопереживания, в нем нет и тени эгоизма. Недаром время от времени истолкователи лермонтовского романа, сопоставляя Печорина с Максимом Максимычем, делали заключение о том, что с наибольшей полнотой авторский идеал человека выражен не в раздвоенно-противоречивом индивидуалисте Печорине, а в цельной и глубоко человеческой натуре Максима Максимыча.

Но так ли это? Ведь тот же Белинский, так высоко ценивший Максима Максимыча и как художественный образ, и как характер, обращал внимание и на другую его сторону — ограниченность его умственного кругозора, инертность, патриархальность его воззрений. В отличие от Печорина Максим Максимыч почти полностью лишен личностного самосознания, критического отношения к существующей действительности, он пассивно приемлет ее такой, как она есть, не рассуждая выполняет свой «долг».

Характер Максима Максимыча не так гармоничен и целен, как представляется на первый взгляд, и он неосознанно драматичен в своей внутренней раздвоенности. С одной стороны, этот образ — воплощение лучших национальных качеств русского народа, его человеческих сущностных сил, а с другой — его исторической ограниченности на определенном этапе развития, косной силы вековых традиций и привычек, невольно служившей опорой для самодержавно-деспотической власти. В этом плане символичны превращения Максима Максимыча, который инстинктом человека, близкого к народу, «понимает все человеческое», в представителя иерархического порядка. Вот Максим Максимыч, надев эполеты и шпагу, приходит к Печорину получить объяснения по поводу похищения Бэлы и на его добродушное приветствие отвечает: «Извините! Я не Максим

Максимыч: я штабс-капитан». После встречи Максима Максимыча с Печориным на «большой дороге» странствующий офицер говорит: «Мы простились довольно сухо. Добрый Максим Максимыч сделался упрямым, сварливым штабс-капитаном».

Многое связывает в романе Печорина и Максима Максимыча, каждый по-своему высоко ценит другого, и в то же время они во многом антиподы. И в том и в другом многое чрезвычайно близко автору, но ни один из них, взятый в отдельности, не выражает полностью лермонтовский идеал; больше того, что-то в каждом из них неприемлемо для автора (эгоцентризм Печорина, ограниченность Максима Максимыча и т. д.). «Трагическое осознание неслиянности и нераздельности» (А. Блок) правд Печорина и Максима Максимыча явилось своеобразным полифоническим отражением драматических отношений передовой дворянской интеллигенции и народа в самодержавно-крепостнической России 1830-х, их глубокого внутреннего единства и разобщенности.

Полифонический контрапункт важнейших человеческих правд в романе Лермонтова явился художественно-образным предвосхищением гениальной, мысли Белинского:

«Личность вне народа есть призрак, но и народ вне личности тоже призрак. Одно условливается другим. Народ — почва, хранящая жизненные соки всякого развития; личность — цвет и плод этой почвы».

И это обусловлено тем, полагал критик, что из всех социально-видовых групп, включая сюда сословия и классы, народ наименее кастово ограничен, в наибольшей степени воплощает в себе общечеловеческое, родовое начало, как отдельный человек — начало индивидуальное:

«Что личность в отношении к идее человека, то народность в отношении к идее человечества. Другими словами: народность суть личности человечества».

Поэтому как личности для ее развития необходимо наиболее полное усвоение опыта народного и общечеловеческого, так народу и его представителям — развитие и углубление личностного самосознания.

И печоринская правда развитой личности, свободно, критически мыслящей, и правда непосредственного, патриархально-народного сознания Максима Максимыча далеки от завершенности и гармонической целостности. Для Лермонтова полнота истины не в обладании одной из них, а в своеобразном полифоническом контрапункте этих правд и «голосов». Интуицией гениального художника Лермонтов прозревал необходимость и закономерность появления в жизни нового типа личности, которая, по справедливому мнению а, «должна была совместить в себе некоторые черты, присущие основному герою Лермонтова и его спутнику — человеку народного сознания». Однако путей формирования подобной личности Лермонтов не знал, ибо «условия, которые могли бы создать такого героя, в России 1830-х годов отсутствовали» (Д. Максимов).

Именно поэтому Лермонтов не спешит становиться на сторону правды того или иного своего героя, хотя он и далек от их релятивистского уравнивания. Печорина и Максима Максимыча постоянно подвергается испытанию, проверке другими жизненными позициями, находящимися в сложном состоянии взаимного отталкивания и сближения.

<...>

Здесь напрашивается вопрос: если не только в Грушницком, Вернере, Вуличе, но даже и в «естественном» человеке Казбиче, и в «простом» контрабандисте Янко проявляются черты двойничества по отношению к Печорину, то нет ли их и в образе Максима Максимыча, сопутствующего Печорину на протяжении почти всего романа? Полагаем, что нет. И вот почему. При всей жизненной и художественной самостоятельности двойниковых образов-типов они призваны прежде всего вскрыть «много-составность» и противоречивость сознания главного героя, и в этом плане они занимают по отношению к нему художественно-служебное, подчиненное положение. Образ же Мак-

сима Максимыча имеет в первую очередь самостоятельное значение как определенная жизненная позиция, принципиально важная не только, а возможно, и не столько для героя, сколько для автора. По отношению к Печорину образ Максима Максимыча может быть определен не как двойниковый, а как «парный». Такой образ отражает противоречивость сознания не только главного героя, но и автора. Парные образы в полифоническом романе как бы представляют полюсы духовных исканий писателя, чего нельзя сказать о двойниковых парах.

В качестве иллюстрации здесь можно сослаться на соотношение двойниковых и парных образов в романах Достоевского. В «Преступлении и наказании» частичными (*по нашему определению*) двойниками Раскольникова являются Свидригайлов, Лужин. В качестве же парного по отношению к нему выступает образ Сони, который не только для героя, но и для автора знаменует принципиально иную жизненную позицию при решении проблем, так мучающих Раскольникова. В «Братьях Карамазовых» в качестве двойников Ивана выступают Смердяков, Черт, в качестве парных образов — Зосима, Алеша. По сравнению с двойниками главный герой всегда стоит неизмеримо ближе к автору, хотя и не тождествен ему (что далеко не всегда учитывается). В случае с парными образами соотношение иное — они оба близки автору, хотя и ни один из них не выражает полностью искомую автором правду. Они находятся в своеобразном соотношении, одновременно и взаимоисключая, и взаимодополняя друг друга, как порознь существующие реальные полюсы еще не найденного автором, а возможно, еще и не существующего в жизни единого целого.

Двойниковые образы не колеблют положения центрального персонажа как главного героя произведения. Парный же образ нередко заставляет «потесниться» главного героя, образуя вместе с тем идейно-смысловой центр полифонического романа. В этом аспекте образ Максима Максимыча и является парным по отношению к образу Печорина. Уже в конце первой повести «Бэла», играющей во многом экспозиционную роль, повествователь обещает рассказать о новой встрече с Максимом Максимычем, как бы подчеркивая этим его отнюдь не «служебную» роль в дальнейшем повествовании: «Мы не надеялись никогда более встретиться, однако встретились, и, если хотите, я расскажу: это целая история». Правда, в центре этой «истории» будет не Максим Максимыч, а Печорин. Однако недаром только Максим Максимыч будет единственным «сквозным» спутником героя в романе, в чем-то существенном восполняя «героя времени», в чем-то ему противостоя, хотя при этом во многом ему и уступая.

Парность образов Печорина и Максима Максимыча со сложным к ним авторским отношением притяжения — отталкивания проявляется, в частности, в том, что, как и в случае с Печориным, в образе штабс-капитана порой начинает просвечивать «лирический герой» автора. Мотивы одиночества, страстного желания найти в мире «душу родную» входят органически в образ старого служака Максима Максимыча (ср. лермонтовское «Завещание»): «Надо вам сказать, — признается штабс-капитан, — что у меня нет семейства; от отца и матери я лет 12 уже не имею известия, а запастись женой не догадался раньше, — так теперь уже, знаете, и не к лицу...» Тем сильнее привязывается он к Бэле. И тем горше ему вспоминать, что «она перед смертью ни разу не вспомнила» о нем. Безысходное одиночество еще больше подчеркивается его деланно-равнодушным заключением: «И вправду молвить: что же я такое, чтобы меня вспоминать перед смертью?» Жизнь безжалостно отнимает у Максима Максимыча последние радости, делая его все более одиноким. Растерянный, подавленный, раздосадованный холодной встречей, он говорит о своей дружбе с Печориным, воспоминания о которой ему были еще недавно так дороги: «Что я, разве друг его какой?.. или родственник? Правда, мы жили долго под одною кровлей... Да мало ли с кем я жил?..»

И писатель рисует щемящий душу образ одинокого, всеми оставленного существа: «Давно уже не слышно было ни звона колокольчика, ни стука колес по кремнистой

дороге, а бедный старик еще стоял на том же месте в глубокой задумчивости». Образ «кремнистой дороги» и одинокого человека ассоциируется с аналогичными образами и настроением лермонтовского лирического героя (ср.: «Выхожу один я на дорогу, Сквозь туман кремнистый путь блестит...»). Лирико-романтическая подоснова, содержащаяся в глубине реалистического образа, прорывается на поверхность и в концовке новеллы «Максим Максимыч» в виде авторского лирического отступления, звучащего как стихотворение в прозе:

«Грустно видеть, когда юноша теряет лучшие свои надежды и мечты, когда перед ним отдергивается розовый флер, сквозь который он смотрел на дела и чувства человеческие... Но чем их заменить в лета Максима Максимыча? Поневоле сердце очерствеет и душа закроется...»

Не только Печорин, но, как мы видели, и Максим Максимыч — образ неоднозначный. Неоднозначно поэтому к нему и отношение автора. Все это во многом объясняет причины споров, взаимоисключающих оценок этого парного образа — главного «спутника» главного героя романа, когда попеременно выдвигается то одна, то другая сторона его противоречивой целостности. Сразу после появления лермонтовского романа С. Шевырев, объявивший Печорина «призраком, отброшенным на нас Западом», противопоставлял ему Максима Максимыча как «цельный характер коренного русского добряка, в которого не проникла зараза западного образования». В нем он особо ценил его патриархальность и смирение, видя в этом, в отличие от Печорина, проявление подлинно русского национального характера:

«Вот тип характера, в котором отзывается наша древняя Русь! И как он высок своим христианским смирением...».

В этом же духе противопоставлял Печорина и Максима Максимыча реакционный критик и журналист С. Бурачок.

Характерно, что к этим оценкам оказался очень близок отзыв о романе Николая I, который сразу по его прочтении писал своей царственной супруге:

«Я прочел “Героя” до конца и нахожу вторую часть отвратительною, вполне достойною быть в моде. Это то же преувеличенное изображение презренных характеров, которые находим в нынешних иностранных романах... Характер капитана прекрасно намечен. Когда я начинал эту историю, я надеялся и радовался, что, вероятно, он будет героем нашего времени... но в этом романе капитан является как надежда, которая не осуществляется. Господин Лермонтов был неспособен провести до конца этот благородный и простой характер и заменил его жалкими, очень малопривлекательными личностями... Счастливого пути, господин Лермонтов; пусть он очистит свою голову, если это возможно».

Таковыми словами напутствовал венценосный критик поэта, сосланного на Кавказ. В наше время, но несколько по-иному, Максим Максимыч тоже нередко противопоставляется Печорину как характер, который стоит ближе к лермонтовскому идеалу, как натура цельная и гармоничная. Современный исследователь К. Григорьян утверждает:

«В противовес Печорину, выступающему носителем разъедающей рефлексии, разрушительной силы мысли, Максим Максимыч олицетворяет эмоциональное начало, цельность и особую гармоничность человеческой личности, порождаемую “внутренней тишиной”, недоступной людям печоринского типа. ...В образе Максима Максимыча разрешаются (хотя, конечно, далеко не все) трагические противоречия печоринского образа...».

С другой стороны, считает Григорьян, отдавая должное человеческим качествам, Максим Максимыч является «олицетворением смирения» простого, неразвитого и ограниченного человека, который никак не может противостоять Печорину, как и все другие персонажи романа.

«Чем тут восхищаться? – восклицает ученый, говоря о Максиме Максимыче, возражая тем, кто отдает ему предпочтение перед Печориным. – Тем, что придавленный суровыми обстоятельствами жизни человек покорно тянет нелегкую свою лямку».

И продолжает:

«Не вернее ли будет предположить, что функция образа Максима Максимыча заключается в том, чтобы на фоне людей простых и обыкновенных показать и оттенить необыкновенность личности Печорина?»